

дискурсу, присваивается одновременно общее и временное безграничное значение; статический характер действия, приравнивается к сценическому изображению [9]; личное противостояние; актуальность, острота, волнующая болезненность для реципиента тематики, поднимаемой в романах.

С лингвистической точки зрения романы представляют собой четко структурированную систему взаимосвязей, прослеживаемую на всех уровнях. Следовательно, можно говорить о конвергенции стилистических приёмов, выполняющих общую стилистическую функцию текста.

Лингвостилистические особенности дискурса Кафки: на семантическом уровне романы представляет собой метафорическую модель; на синтаксическом – модель структурного параллелизма.

На уровне макроструктур (основных тем) дискурс является моделью, вскрывающей противоречия между человеком и обществом, добром и злом.

Лингвотекстуальная структура текста в значительной мере обусловлена когнитивной моделью социального мышления, особенностями которого (универсальные схемы), вербально выражены на различных лингвистических уровнях.

Когнитивная модель художественного дискурса Кафки предполагает, таким образом, единство лингвистических и когнитивных структур, значительную роль при этом занимает языковой контекст как показатель идиостиля автора, требующий дальнейших, более глубоких исследований.

Источники и литература

1. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс. 1989. – 312 с.
2. Караулов Ю. Н., Герасимова В. И. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. // Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс. 1989. – С. 5-11.
3. <http://de.wiktionary.org/wiki/Mann>
4. Карасик В. И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Архангельск: Изд-во Поморск. Гос. Ун-та, 1997. – С.154-171. <http://www.vspu.ru/~axiology/vik/vikart3.htm> В. И. Карасик
5. Карасик В. И. Язык послеписьменной эры // Языковая личность: проблемы семантики и прагматики: Сб. науч. тр. Волгоград: РИО, 1997. – С. 141-154. (<http://www.vspu.ru/~axiology/vik/vikart4.htm> В. И. Карасик)
6. Kafka F. Der Prozeß.- Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1989.- 239 S.
7. Kafka F. Das Schloß // Kafka F. Das erzählerische Werk. – Berlin: Ruttene & Loening, 1983.-Bd.2. – S.521-834.
8. http://www.geo.unibonn.de/cgi-bin/kafka?Rubrik=interpretationen*Punkt=gesetz*Unterpunkt=form
9. http://www.geo.uni-bonn.de/cgi-bin/kafka?Rubrik=interpretationen*Punkt=gesetz*Unterpunkt=personenkonstellation

Минькова И. Ю.

ТЕСТЫ О ЛЮБВИ КАК ЭКСПЛИКАТОР КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ»

Каждый язык имеет определенную систему, с помощью которой носители языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации, поступающей из окружающего мира. Категоризация – главная роль, которую играют концепты в мышлении, позволяет группировать объекты с определенными сходствами в соответствующие классы. Цель предлагаемой работы – выявление расхождений в семантическом наполнении концепта «любовь» в украинской, русской, немецкой, английской и французской лингвокультурах. В исследование концептов целесообразно включать информацию из областей их бытования [1, с. 8], поэтому для выведения национальных особенностей современного концепта «любовь» анализу были подвергнуты «тексты культуры» – социопсихологические тесты, посвященные установлению истины относительно вечного вопроса – «Настоящая любовь или нет?» (материал отбирался из Интернета) [6-10].

К сожалению, украинских тестов с четким ответом на поставленный выше вопрос в Интернете не обнаружилось. Лишь на двух, из не многих, украинских страницах женщинам предлагают психологические тесты «Водопад женского счастья» и «Способны ли вы на сильное и большое чувство?» [7], которые подходят для выявления семантического содержания концепта «любовь». Мощност «водопада счастья» измеряется количеством баллов. Обладательница максимально высоких оценок читает интерпретацию: «если вы осознаете, насколько вы счастливы, то у вас жизнь, о которой мечтает большинство женщин». Гипотетически счастливые женщины мечтают: раз в год получить цветы; услышать в свой адрес стихи или песню; провести ночь вне дома (путешествие, или адюльтер?); ради любви сделать шаг наперекор судьбе (конфликт с обществом?); не стирать чьи-либо носки (знак равноправия?); быть влюбленной, получать сексуальное удовлетворение; жить с любимым; иметь «половину», способную решать проблемы.

Авторы теста рекомендуют: «помните: главное не только быть счастливой, но иметь мудрость сохранить счастье!» (в контексте сема: не радуйтесь преждевременно, так как такой status quo долго длиться не может).

Обладательницам менее результативных модификаций предлагается «в безвыходных ситуациях быть счастливыми от счастья любимых людей».

Итак, денотативное поле «любовь» в современной украинской лингвокультуре состоит из сем: внимание со стороны обеспеченного мужчины, стойкость в борьбе с судьбой, жизнь с любимым; половое удовлетворение – т. е. концепт «любовь» отмечен материальными и межличностными проблемами.

Обзор статьи Оксаны Швеи из газеты «Кременчугский телеграф» (также выданную Интернетом на запрос «любовь») позволяет выявить пассивные пласты (дополнительные признаки) концепта «любовь». Автор статьи предлагает интересную мысль, подтверждающая предыдущий вывод об оттенке меркантильности у «украинской любви»: «тот, кто любит, легко делает то, что должен: продолжает род, пишет стихи, зарабатывает деньги на подарки любимой или содержание семьи, параллельно увеличивая ВВП...» [3] ...

Украинские врачи (locо citato) допускают, что «высокие чувства – это биологический пусковой механизм, обусловленный выбросом гормонов эндорфинов, который налаживает физическое здоровье, а на психоэмоциональном уровне регулирует три основных инстинкта: пищевой, половой и самосохранения. При утрате одного из инстинктов, человек умирает.

Украинские философы считают, что любовь биологическая, со временем, уходит на второй план, на первый выступает необходимость поступиться своим эгоизмом, чтобы сделать другого счастливым. Родство индивидуальностей объединяет влюбленных в одно целое, они синхронно мыслят и творят.

Анализ русской «любви» проводился на материале нескольких тестов [8]. В опросе «Разберись в своих чувствах» прослеживается несколько линий: доверие к партнеру, стремление к родству («хочу быть на него похожей», «в душе мы близнецы»), откровенность, оценка умственных способностей («редко встречаются такие умные, как он»), готовность пожертвовать собой («ради него я готова на все»), склонность к гиперболизации внешности («он самый привлекательный на планете»), ответственность за любимого («я в ответственности за него»), чувство собственности («он принадлежит мне»), эгоцентризм, завышенная самооценка («он видит во мне центр вселенной»).

Немецкая страница уже на этапе приветствия [6] значительно отличается в подходах к принципам анализа женской и мужской психики – это проявляется не только в подборке пунктов, по которым предлагается продолжить тестирование, но и в типичности формулировок. Авторы русских тестов подходят со стороны объективной оценки: «Страстная ли **вы** женщина?», «Нравитесь ли **вы** мужчинам?» а немецкие с субъективной: «Bin **ich** zu eifersüchtig? (Слишком ли **я** ревнива?)» и т.п.

Можно сделать предварительный вывод о большей направленности немецких женских тестов на социальные отношения, чем на межличностные; то же самое наблюдается в русских тестах, но в мужских графах.

Интересно, что вопрос о верности у немцев получает совсем разные акцентуации: вопрос женщины звучит из ее собственных уст: «Обманывает ли **меня** мой друг?»; для него вопрос формулирует автор теста: «Действительно ли **ты** верный?». Россиян такая постановка проблемы не интересует. О настоящей любви немка снова спрашивает сама у себя: «Действительно ли это любовь?», немец у себя: «Насколько хорош **я** в постели?» У россиян вопрос о подлинности любви отсутствует, но есть о влюбленности.

В немецких вопросах «Bin ich eine Klassefrau?» (Классная ли я женщина?) «Bin ich ein richtiger Mann?» (Настоящий ли я мужчина?) ощущается совсем разная «картина мира». В лексеме разговорного стиля «классная», отражено упрощенное отношение, как к повседневным проблемам, так и к общественным отношениям, проявляются семы: современная, коммуникабельная, не интересуюсь тем, как меня воспринимают окружающие, важно, как я сама себя чувствую; слезу за изменениями в обществе и не отстаю от этих изменений.

В словосочетании «настоящий мужчина» содержится противоположный взгляд на мир. Реализуются семы, выработанные историей развития воззрения на роль мужчины в обществе: рыцарь, умею ценить даму сердца, порядочный, умный, у меня светлое будущее, обусловленное моим нынешним достойным поведением; в общественной стратификации я занимаю страт высокого уровня.

Ошеломительной можно назвать формулировку следующего вопроса немецким женщинам: «Haben Sie den Mut und das Zeug zur Affäre?» (Имеете Вы мужество и средства для аферы?), мужчинам: «Принадлежу ли я к карьерному типу?». Семантика вопроса раскрывает отличия в отношении к трудовой деятельности – от женщин общество ожидает твердости характера и нечестного поведения, она сама к этому готова и адекватно оценивает свои возможности.

Мужчина зарабатывает имя и карьерный рост открытыми, не запрещенными приемами: семы слова «карьера» выступают блестящее образование, ум, коммуникабельность, неплохие внешние данные.

Россиян, относительно подобной проблемы, заботит уровень самостоятельности и практичности (реализуются семы: управляемость кем-либо, кто имеет больше прав; умение сохранить материальные блага, заработанные не собственными усилиями).

Вопрос к немецким мужчинам о наличии гена подчинения («Haben Sie Dagobert Duck Gene?») вынуждает сделать вывод о присутствии такой особенности характера у современного немца.

Для установления дополнительных признаков немецкого концепта «любовь» было осуществлено экспериментальное выполнение теста «Настоящая любовь».

Рассматриваемый тест, как и любой тест, отвечает критериям надежности, поскольку составлен специалистами; кроме набора задач он содержит в себе ключ интерпретации полученного результата. Традиционно нормой в тестологии считаются среднестатистические данные, полученные в результате предыдущего тестирования на определенной группе лиц, поэтому предложенной немецкими социопсихологами шкале можно доверять. Типичная для Интернета стандартизация ситуации (отсутствие непосредственного контакта с опрашиваемым) обеспечивает тестам большую объективность.

Интерпретация ожидаемых ответов немецкого женского теста дала такие результаты. Если утром *он* стал не таким, как был вчера вечером, то женщину это не должно задевать. В нескольких пунктах подчеркивается, что *ей* очень нравится, когда *он* внимательный и вежливый к *ней* вообще и во время близости в частности. Приветствуется ситуация, когда отношения только романтические и не переходят никаких границ, рекомендуется по возможности продолжительнее их тянуть. Когда мужчина на первом свидании нервничает как школьник, то на *нее* это производит хорошее впечатление. Внимательность и предусмотрительность высоко ценятся. Высшей заслугой для *нее* будет проснуться утром и увидеть в *его* глазах счастье от *ее* присутствия (женщины эгоистичны, думают только о том, как им отразиться лучше не только в зеркале, а и в его глазах). Хорошо, если она знакома с его друзьями, т. е. в контексте искать пару рекомендуется в своем окружении.

Тест для мужчин получил другое название «Хороший ли я любовник?». Основной смысл вопросов такой. Женщина не должна брать на себя инициативу в обольщении, это задача мужчины! Близость должна быть такой, чтобы она потом не ушла в душ. Количество любовных связей всесторонне приветствуется, останавливаться на отношениях только с той, что ждет дома недостойно, но дома необходимо сохранить доверительные отношения (непристойно появляться с работы домой с получасовым опозданием).

Тесты, направленные на установление подлинности чувства, репрезентирует совсем другие стороны. Сопоставление показывает, что в любви женщина ожидает почтения не думая, как надо относиться к мужчине. Он поглощен заботами только о том, как произвести впечатление – что и звучит на семантическом уровне в названиях «Любит ли *он* меня?», «Хороший ли *я* любовник?». Однако, вопрос «Люблю ли *я* его / *ее*?» остается открытым.

Смысловое наполнение подобных частей русских тестов и содержание ожидаемых ответов в большинстве, касается сугубо сексуальных вкусов.

Обзор *английских* тестов показывает удивительное многообразие подходов к оценке любовных отношений. Чаще они имеют «трудовую» направленность: любовь измеряется способностью отказаться от работы ради любимого,

заразиться простудой от избранника и пропустить важное собеседование, согласиём отправить любимого на тяжелую, но оплачиваемую работу, готовностью избавиться от животного из-за аллергии избранника и т. п.; немалое место отводится вопросам о сексуальной норме и оригинальности [9].

Француз интересует сугубо либидо, обольщение, преимущества перед соперником, инициатива, разнообразие и продолжительность отношений [10].

Лингвокультурный концепт существует в индивидуальном или коллективном сознании. Элементы, отсутствующие в сознании индивида/группы, в структуру концепта включаться не могут. Обобщим полученный материал с позиций выделенных Ю. С. Степановым [5] пластов концепта как компонентов единого концепта.

Активный пласт (основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него) входит в общенациональный концепт «любовь»: *Украина* – преимущество отдается материальной обеспеченности. *Россия* – влюбчивость, эгоцентризм, гиперболизация оценки партнера. *Германия* – верность, внимательность и предусмотрительность в отношениях. *Англия* – готовность к самопожертвованию. *Франция* – влюбчивость, обольщение.

Пассивные пласты (признаки, актуальные для отдельных групп носителей культуры) принадлежат концептосферам отдельных субкультур: *Украина* – половое удовлетворение. *Россия* – стремление к сродству. *Германия* – стремление сохранить доверительные отношения. *Англия* – сексуальная норма и оригинальность. *Франция* – инициатива, соперничество.

Внутренняя форма концепта (не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов) для большинства носителей культуры есть не частью концепта, а одним из его культурных элементов, которые детерминируют: *Украина* – «любовь» – это, на биологическом уровне, механизм регуляции основных инстинктов: пищевого, полового и самосохранения; на психоэмоциональном – родство индивидуальностей. *Россия* – управляемость кем-то, способность сохранить материальные блага. *Германия* – социальная направленность, твердость характера женщины, ее склонность к афере; наличие гена подчинения у мужчины. *Англия* – главенствующая роль трудовой деятельности, которая сильно влияет и на межличностные отношения. *Франция* – разнообразие связей, их кратковременность.

Анализ вопросов тестов показал, что женщины в немецком обществе характеризуются отрицательно: отличаются жесткостью, сосредоточенностью на себе самих, способностью использовать любые приемы для достижения собственных целей. Приведенные характеристики подтверждаются формулировками, предложенными составителями тестов для выяснения, как мужчины и женщины решают трудности в межличностных отношениях.

Необходимо согласиться с С. Г. Воркачевым, что существует множество способов языковой апелляции к любому лингвокультурному концепту (входов в концепт) [1]. К одному и тому же концепту можно апеллировать с помощью языковых единиц разных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений. В разных коммуникативных контекстах одна и та же единица языка может стать входом в разные концепты. Анализ тестов показал, что методика исследования концепта «любовь» целесообразно проводить из области изучения типов отношения к окружающему общественному миру, где сопредельные концепты ярко объективируются.

Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям. С точки зрения тематики концепты образуют, например, эмоциональную [2, 76] текстовую [4, с. 27] и др. концептосферы; с точки зрения своих носителей – индивидуальные, микро-, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие. Исследование показало, что изучение концепта «любовь» уместно проводить на анализе эмоциональной и национальной концептосфер.

Обобщение объективаций концепта «любовь» в немецкой, украинской, русской, английской и французской лингвокультурах позволяет подтвердить предположение известного теоретика концептологии С.Г.Воркачева, что «концепт – это единица коллективного знания, обозначенная этнокультурной спецификой».

Источники и литература

1. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002. – С. 8-33.
2. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. Тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
3. Оксана Швец. Коханння – это... // <http://www.telegraf.in.ua/>
4. Слышкин Г. Г. К проблеме составления лингвокультурологического концептуария // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: Сб. науч. Тр. – Волгоград: Колледж, 2001. – С. 27-31.
5. Степанов Ю. С. Энциклопедия гармонизированных концептов // КОНСТАНТЫ: СЛОВАРЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ. – Москва: Школа "Языка русской культуры", 1997. – 824 с.
6. http://www.testcity.de/frauen_tests/wahre_liebe/ («Wahre Liebe»); http://www.testcity.de/maenner_tests/guter_liebhaber/ («GuterLiebhaber»).
7. http://www.dds.com.ua/na_dozvilli.html# («Водопад женского счастья»), <http://www.wz.lviv.ua/print.php?atid=26393> («Способные ли вы на сильное и большое чувства?»).
8. <http://pepsilight.ru/cgi-bin/feb03/test.cgi?date=20030211> («Разберись в своих чувствах»), <http://test.onio.de/> («Тесты для дам», «Тесты для мужчин»).
9. <http://www.queendom.com/tests/minitests/ix/love.html> («The Love Test»), http://www.queendom.com/tests/relationships/jealousy_wom_r_access.html («Jealousy Test – Revised»).
10. <http://www.lovingtest.com/> («AMOUROSCOPE»).

Миронова А. А.

СИНКРЕТИЗМ РУКОПИСНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ XVIII ВЕКА КАК СТИМУЛ ЭВОЛЮЦИИ ЖАНРА (ОТ ОБЪЯВЛЕНИЯ К РЕКЛАМЕ)*

Понятия «реклама», «рекламные жанры» до сих пор не имеют четкого толкования. Несмотря на обширную литературу, посвященную в мировой науке рекламе (Кохтев Н. Н., Э. А. Лазарева, Г. Г. Почепцов, Х. Кафтанджиев, А. Н. Назайкин и др.), многие важные вопросы ждут еще своего решения. До сих пор нет точного определения рекламы, существуют ли рекламные жанры, если да, то каковы критерии их выделения и чем они отличаются от публицистических жанров (работы В. В. Ученовой, Т. Э. Гринберг, С. А. Шомова, Л. П. Макашиной, В. А. Евстафьева). Но почти все эти исследования опираются на современный материал. Отдельные работы, рассматривающие историю рекламы, ее жанры в XVIII-XX вв., не дают ответа на вопрос, когда появилась реклама в России и имеет ли она свои национальные